

Отчего застрелился Константин?

Кудрявцева. 2000. 5-го - 24

На прошлой неделе при участии издательства "Захаров" и агентства "Артефакт" в московском ресторане "Обломов" начали полномасштабно раскручивать новый проект вышеназванного издательства. "Пелагия и белый бульдог" из серии "Провинциальный детектив" Бориса Акунина. Предыдущий его проект "Приключения Эраста Фандорина", раскрученный под маркой "все жанры классического криминального романа в одной серии", — похоже, закрывается. Публику отныне станут удивлять расследованиями рыжеволосой и конопатой монахини Пелагии, как и экзотикой криминального дела, на первый раз связанного с белыми русскими бульдогами. При этом о самом Акуanine никто ничего не знает, кроме искушенных деятелей окололитературной тусовки. В "Обломове", к примеру, грозились, что писатель прибудет с минуты на минуту, но он, естественно, не появился. Кое-кто из моих коллег спрашивал возможность получения интервью у удачливого автора. В ответ звучало: "Это невозможно". Словом, Акунин — человек-невидимка. Но это, сказать по чести, интригует мало.

С мистификациями у нас пока не очень славно обстоят дела. Вот и в "Обломове" пытались довольно жалко разыграть три карты: конспирация, интрига, мистификация. Для чего нагнали массу бесполезной публики, пытались инспирировать некое тайное собрание, главным героем которого стала бы книга. Она таковой не стала. Позвали издателя Игоря Захарова, самого Фандорина — сыщика-джентльмена, которого лично я не опознала в шумной и бессмысленной толчее, Илью Ильича Обломова — персонажа романа Гончарова (этот хотя бы отдаленно напоминал героя и даже угощал малосольными огурцами со смородиновой настойкой). Не признала я и Захара со Штольцем. Бро-

дил там, правда, какой-то тщедушный господин в домашнем халате. Поскольку дело было накануне выборов, то данные литературные товарищи невнятно лепетали о политпристрастиях. Фандорин — тот за диктатуру закона, как исполняющий обязанности. Обломов за просвещенную монархию — тут усматривается контакт с Н. Михалковым. Штольц — нигилист-анархист. Захар — существо невнятное: куда Обломов, туда и он. Таскали ящик, а мы должны были определиться и проголосовать в него. До финала мало кто дотянул по причине скуки. Обещанных звезд не наблюдалось. Появился, правда, уважаемый театральный продюсер Давид Смелянский, а ближе к финалу и Владимир Жириновский, обожающий такого рода вечеринки.

Роман о монашке наверняка хорошо пойдет. А издательство ведет переговоры о создании телесериала по произведениям Бориса Акунина.

Последний меж тем написал "безделку", игриво выпущенную "Захаровым" под самиздатовской маркой. Это четвертый акт чеховской "Чайки". Опять стилистическая игра, столь удающаяся Акунину. Чехов как Чехов. Диалог слово в слово, разбавленный акунинскими ремарками, указывающими на то, что Костя Треплев потрясает револьвером. В итоге звучит вистрел, и... Треплев лежит на зеленом ковре. Всюду кровь, мозги по стенам. "Почему ему непременно нужно было стреляться на зеленом ковре? всю жизнь — претенциозность и безвкусие", — скажет Аркадина. И тут выяснится родословная чеховского Дорна. Он из рода Фондоровых и Фандориных. И предложит себя в качестве следователя. Костю убили, а сделал это кто-то из присутствующих. Bravo, Акунин, игра удалась.

Светлана ХОХРЯКОВА